

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/97/10

Коренная Сибирь в восприятии Ф.М. Достоевского: от «Записок из Мертвого дома» до «Дневника писателя»

Елена Георгиевна Новикова¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, elennov@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка реконструкции образа коренной самобытной Сибири в творчестве Ф.М. Достоевского на фоне традиционных представлений о каторжном крае в изображении писателя. Показано, что образ коренной Сибири определяется азиатской проблематикой и поэтикой, при этом эволюционируя: если в «Записках из Мертвого дома» и «Преступлении и наказании» коренная Сибирь представлена отдельными картинами азиатской степи, то в «Дневнике писателя» 1881 г. с Сибирью и Азией Достоевский связывает надежды на будущее России.

Ключевые слова: локальный текст, жанр записок, Сибирь, Азия, степь, Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Дневник писателя», Ч.Ч. Валиханов, А.С. Пушкин

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

Для цитирования: Новикова Е.Г. Коренная Сибирь в восприятии Ф.М. Достоевского: от «Записок из Мертвого дома» до «Дневника писателя» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 97. С. 212–235. doi: 10.17223/19986645/97/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/97/10

Indigenous Siberia in the perception of Fyodor Dostoevsky: From *Notes from the House of the Dead* to *A Writer's Diary*

Elena G. Novikova¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, elennov@mail.ru

Abstract. This article attempts to reconstruct the image of indigenous, authentic Siberia in the work of Fyodor Dostoevsky against the backdrop of traditional notions of the penal region in the writer's depiction. The scientific novelty of the research is determined by the examination of the specific issue of Dostoevsky's perception of indigenous Siberia. This established the aim of the work: to identify the strategy of the author's interests and preferences within Dostoevsky's local Siberian text. The research materials are Dostoevsky's 1856 letter to Valikhhanov, *Notes from the House of the*

Dead, Crime and Punishment, and the 1881 *A Writer's Diary*. The study of these materials shows that Dostoevsky's conceptions of indigenous, authentic Siberia formed and developed in the following way. In the 1850s, the geographical specificity of the Siberian region where Dostoevsky had to live – Omsk and Semipalatinsk – shaped his initial impressions of indigenous Siberia as an Asian steppe, inhabited by indigenous Siberian peoples and potentially holding geopolitical significance for Russia, as evidenced by his 1856 letter to Valikhanov. It should be emphasized that the *topos* of indigenous Siberia in Dostoevsky's works is consistently imbued with a vivid Asian character. The genre aspect of Dostoevsky's Siberian issues deserves special attention. The specific depiction of Siberia for him is closely linked to documentary genres – to "notes" (*zapiski*), and later to a "diary" (*dnevnik*). He insistently advises Valikhanov to write "notes" about the indigenous Asian steppe and, as a model, suggests Alexander Pushkin's article "John Tanner," dedicated to the life of Indians as the indigenous people of America. However, Dostoevsky himself, at the same time, creates his own notes about Siberia as a penal colony. *Notes from the House of the Dead* established a fundamental opposition of Dostoevsky's dual perception and depiction of Siberia simultaneously as a Russian penal colony and as an absolutely free "Kyrgyz steppe," which found its continuation in the "Epilogue" of *Crime and Punishment*. Therefore, in the 1860s, in *Notes from the House of the Dead* and *Crime and Punishment*, the writer creates vivid and polysemantic descriptions of the Asian steppe and the life of the indigenous Kyrgyz population. Nevertheless, they represent only separate episodes within his overall portrayal of Siberia as a penal space. Dostoevsky lived in Siberia for ten years in a state of unfreedom; this became the dominant feature in his depiction of the Siberian region. Consequently, the description of authentic indigenous Siberian culture was largely excluded from the main circle of his writerly interests and themes. In turn, in the 1881 *A Writer's Diary*, after reflecting on the experience of the Russo-Turkish War of 1877–1878, Dostoevsky proclaims directly opposite views on the significance of the Asian identity of the Russian person, asserting the special geopolitical and sociocultural role of Siberia and Asia in Russia's future development.

Keywords: local text, genre of notes, Siberia, Asia, steppe, F.M. Dostoevsky, "Notes from the House of the Dead", "Crime and Punishment", "A Writer's Diary", Ch.Ch. Valikhanov, A.S. Pushkin

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-28-01407, <https://rscf.ru/project/25-28-01407/>

For citation: Novikova, E.G. (2025) Indigenous Siberia in the perception of Fyodor Dostoevsky: From *Notes from the House of the Dead* to *A Writer's Diary*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 97. pp. 212–235. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/97/10

Одно из самых известных описаний Сибири Ф.М. Достоевского – в «Эпилоге» «Преступления и наказания»:

Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город <...> в городе крепость, в крепости острог. В остроге уже девять месяцев заключен ссыльнопатрежный второго разряда Родион Раскольников <...>. Раскольников вышел из сарай на самый берег и стал глядеть на широкую и пустынную реку <...>. С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его [1. Т. 6. С. 410–419].

Важна изначальная авторская фиксация данного фрагмента: это – «Сибирь». Очевидно, что данный образ Сибири в романе восходит к опыту самого Достоевского. Описание базируется на реальном ландшафте середины XIX в.: на одном берегу Иртыша был расположен Омск как форпост России в Азии, в котором были построены «крепость» и «острог»; другой же берег реки все еще представлял собой «необозримую степь» коренных кочевых народов, и Иртыш выполнял роль очевидной водной границы между Сибирью Российской империи и коренным азиатским краем. Так ключевым принципом изображения Сибири здесь стала двойная оптика ее восприятия и описания, и в картине под названием «Сибирь», нарисованной Достоевским, оказались изначально заложенными смыслы принципиального противопоставления двух представлений о крае: «Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних».

«Город», «крепость» и «острог» в этом описании – место каторги писателя 1850–1854 гг., воспроизведенное в «Преступлении и наказании», и «здешние» люди каторжанина Родиона Раскольникова – это заключенные. Но есть и «другие люди» – это коренные народы края, азиатские кочевники; и базовая оппозиция, различающая/разделяющая их (как Иртыш) – это «свобода» и несвобода. Так здесь, наряду с каторжной, возникает совершенно иная Сибирь: «облитая солнцем необозримая степь», страна коренных азиатских народов с их «кочевыми юртами» и незнакомыми «песнями». Она дана как вечная и неизбывная, и отсылка к Аврааму, к кочевничеству библейского героя со «стадами его», предопределенному Божественной волей, существенно усиливает и подчеркивает этот образ сибирского края. Изображение реального локуса двух берегов Иртыша обретает символические смыслы внутреннего распадения Сибири на коренную («степь») и российскую («город», «острог»).

При этом следует сразу же подчеркнуть, что топосу коренной Сибири Достоевского неизменно присущ яркий азиатский колорит.

Статистический анализ всего корпуса текстов Достоевского показал, что существительное «Сибирь» встречается у писателя 223 раза [2. С. 18]¹. Тема «Достоевский и Сибирь» изучается давно, глубоко, в разных аспектах, и в этом направлении достоевистики на сегодняшний день получены предельно значимые, серьезные и многообразные научные результаты [5–14].

Основной образ Сибири в российской культуре и литературе XIX в. – это страна «каторги и ссылки» и переселенцев, прибывших, принудительно или добровольно, из Центральной России. «К XIX столетию Сибирь была <...> усвоена русской культурой в качестве некоторого концепта. Сибирь с ее каторгами, пересильными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании

¹ Системный статистический анализ всего корпуса текстов Достоевского был осуществлен на основе материалов «Статистического словаря языка Достоевского» [3] и электронной книги «Ф.М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений» [4].

мифологизировалась, стала <...> общепонятным хронотопическим образом», – пишет В.И. Тюпа [15. С. 27]. Существенный вклад в создание и упрочение подобного образа Сибири внесли С.В. Максимов [16], Н.М. Ядринцев [17], П.Ф. Якубович (Л. Мельшин) [18], «Остров Сахалин» А.П. Чехова, «Воскресение» Л.Н. Толстого. Важное место в этом ряду, конечно, занимают и «Записки из Мертвого дома» Достоевского.

Но уже в середине XIX в. в российской мысли начинает складываться совершенно иной образ Сибири – как самобытного края со своей собственной социокультурной и этнической спецификой, фактически начинает формироваться та сложная оптика его восприятия, которая так ярко проявилась в «Эпилоге» «Преступления и наказания». Специальное изучение и описание жизни Сибири, Дальнего Востока и Азии стало важнейшей темой российской науки и культуры середины – второй половины XIX в., и эти новые представления об азиатской части России оформлялись одновременно как в общероссийской науке и культуре, так и внутри самого сибирского социума.

Как указывает К.В. Анисимов, позицию исследователей Сибири можно отчетливо разделить на ««столичную» и «региональную»» [19. С. 30]. По замечанию М.М. Бахтина, феномен регионального сознания характеризуется тем, что «в нем выделяется идеологическая сторона – язык, верования, мораль, нравы – причем <...> в неотрывной связи с ограниченной локальностью» [20. С. 377–378]. Сибирь сама создала своих великих «региональных» исследователей – «последнего энциклопедиста Сибири» [21] Г.Н. Потанина [22–25], социолога Сибири Н.М. Ядринцева [26–28], бесстрашного исследователя Азии, ученого и путешественника Ч.Ч. Валиханова [29–31]. Но при этом в условиях социального, культурного, коммуникативного «трансграницы Сибири» [32, 33] в определенных случаях эти два разных подхода – «столичный» и «региональный» – теснейшим образом переплетаются между собой.

Именно это произошло в сибирском окружении Достоевского. В течение своей десятилетней жизни в Сибири писатель был активно погружен во внутреннюю жизнь края, и в его круге знакомств были лидеры сибирского областничества, представители коренных азиатских народов, российские чиновники и инженеры, наконец, путешественники – исследователи Сибири и Азии. Однако степень знакомства Достоевского со специальной проблематикой Сибири и Азии до сих пор в полной мере не оценивается, а потому и не всегда описывается. Например, в одной недавней статье, посвященной «сибирскому тексту» писателя, утверждается, с Ядринцевым они не были «непосредственно <...> знакомы» [34. С. 58], несмотря на собственный рассказ сибирского публициста о встрече и беседе с Достоевским в 1876 г. [35], а также на то, что история их контактов к настоящему времени достаточно подробно изучена [36. Т. 2. С. 454; 37–42]¹.

¹ См. также замечания Б.Н. Тихомирова [43. С. 26–27].

Поэтому в указанном научно-исследовательском контексте сегодня уже необходимо поставить специальный вопрос о реконструкции представлений Достоевского не только о каторжной, но и об иной – коренной, «кочевой» – Сибири. Научная новизна исследования обусловлена постановкой и изучением вопроса о месте и значении образа коренной Сибири в контексте общих представлений писателя о крае. Это определило цель работы, также обладающую научной новизной: выявить стратегию авторских интересов и предпочтений в локальном сибирском тексте Достоевского. Актуальность работы обусловлена важностью сибирской проблематики для современной науки о писателе, обращением к теории локальных текстов, а также исследованием авторской позиции в методологических подходах имагологии, что представляется значимым для современного литературоведения.

Глубинное приобщение Достоевского к коренной Сибири во многом оказалось связанным с Ч.Ч. Валихановым, которым русский писатель искренне восхищался:

Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает как это сделалось <...> чувство и влечение дело необъяснимое [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

В «Подготовительных материалах» к «Подростку» обнаруживается уточнение представления Достоевского о Валиханове: «страшное простодушие» и «обаяние» [1. Т. 16. С. 43]:

ОН исповедуется сыну <...> (страшное простодушие, Валиханов, обаяние) [1. Т. 16. С. 43]¹.

Сейчас их взаимоотношения достаточно полно реконструированы [36. Т. 1. С. 454; 45–49]. Тем не менее в контексте данной работы следует специально обратиться к сибирскому периоду их взаимоотношений (хотя, конечно, их отношения петербургского периода также представляют значительный интерес).

Удивительно и в то же время крайне показательно, что существует изображение Валиханова в той же локальной точке, в которой у Достоевского находился Раскольников:

Группа кадет стояла у ворот двора кадетского корпуса, которые выходят на Иртыш; в этой группе находился и Чокан (Ч.Ч. Валиханов. – Е.Н.). Перед глазами молодых людей открывалась картина: река Иртыш, а за нею поднимающаяся к горизонту Киргизская² степь. Валиханов жадными глазами смотрел вдаль и сказал, взглянув на свою ногу: «Бог знает, где эта нога очутится впоследствии» [24. С. 93].

¹ На этом основании выдвинута версия, что Валиханов стал одним из прототипов образа Версилова [44].

² «Киргизская» с заглавной или строчной буквы здесь и далее – как у авторов.

В Омске наряду с острогом был расположен также Сибирский кадетский корпус, в котором в 1847–1853 гг. учился Валиханов. Здесь в 1847 г. встретились и на всю жизнь подружились два кадета, Валиханов и Потанин, фрагмент из «Воспоминаний» которого и приведен выше¹.

Тот же самый триединый локус Омск – Иртыш – степь, но какая существенная разница в его восприятии героем Достоевского и кадетом Валихановым. И дело здесь не только в проблематике свободы/несвободы. Раскольников видит совершенно новый для себя «другой» мир и «других» людей, а чингизиду Валиханову «Киргизская степь» была знакома и близка, и он был готов ее исследовать: «...жадными глазами смотрел вдаль и сказал <...> “Бог знает, где эта нога очутится впоследствии”». Как отмечает В.А. Обручев, на Валиханова уже в кадетском корпусе «смотрели как на будущего путешественника», и сам он относился к этому как «к своей будущей миссии» [23. С. 23].

Достоевский и Валиханов познакомились в Омске в 1854 г. в тот момент, когда писатель, только что освобожденный после отбывания каторги в Омском остроге, около месяца еще прожил в городе (вместе с С.Ф. Дуровым) в доме К.И. и О.И. Ивановых. Валиханов в это время, начиная с 1853 г., в Омске «формально <...> был определен офицером 6-го кавалерийского полка Сибирского казачьего войска <...>, но фактически оставлен при генерал-губернаторе Западной Сибири, а через год назначен адъютантом генерала Г.Х. Гасфорта, управлявшего тогда Западной Сибирью и северо-восточными районами Казахстана» [30. Т. 1. С. 32–33].

Однако истинное сближение русского писателя и молодого одаренного казаха произошло немного позже, во второй половине ноября 1856 г., когда Валиханов, возвращаясь в Омск после известной военно-научной экспедиции, посвященной изучению Иссык-Куля (руководитель – полковник М.М. Хоментовский), на несколько дней остановился в Семипалатинске², городе Сибирского седьмого линейного батальона, в котором отбывал во-

¹ Этот эпизод в жизни юного Валиханова представлялся Потанину столь значимым, что он неоднократно обращался к нему в разных вариантах своих воспоминаний. См.: «Группа кадет стояла у задних ворот корпусного двора, выходивших на Иртыш. Отсюда открывается вид на степь, которая расстилается на противоположном берегу Иртыша. Характер этой картины уже совершенно степной: безлесая равнина с уходящим в бесконечность горизонтом. Чувствуешь, что стоишь у ворот в среднеазиатские пустыни. Чокан стоял в группе и развивал свою мечту, может быть, он проникнет в эту степь до южных пределов, где начинается самый Дальний Восток, где начинается загадочный Китай. Сколько он вывезет новостей из terra incognita, которая чуть не у самого забора корпуса начинается» (Г.Н. Потанин. Биографические сведения о Чокане Валиханове) [29. С. XVII]. «Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль, в закиргизские страны, к подошве Тянь-Шаня и Нань-Шаня, в Тибет» (Г.Н. Потанин. Чокан Чингисович Валиханов) [30. Т. 1. С. 91].

² Ныне – г. Семей.

инскую службу Достоевский. Именно эти несколько дней и заложили основу их глубоких дружеских отношений, не прерывавшихся до самой смерти Валиханова.

После встречи в Семипалатинске у них завязалась переписка. Она началась письмом Валиханова от 5 декабря 1856 г., уже вернувшегося к этому времени в Омск [30. Т. 5. С. 132–133]. В настоящее время известны четыре письма Валиханова писателю [30. Т. 5. С. 132–133; С. 143–144; 147–150; 150–152] и только одно письмо Достоевского Валиханову от 14 декабря 1856 г. из Семипалатинска [1. Т. 28, кн. 1. С. 248–254] – ответ на его первое письмо. Хотя, судя по ответным письмам Валиханова, у Достоевского были и другие; см., например:

Любезный друг, Федор Михайлович. Письмо твое <...> я давно уже получил [30. Т. 5. С. 150].

Но именно два первые письма Валиханова и Достоевского крайне значимы в контексте данного исследования: они не только содержат в себе материал сибирской жизни Достоевского, но в конечном счете демонстрируют те мировоззренческие и идеино-художественные установки писателя, которые могут быть основой для реконструкции его базовых авторских стратегий по отношению к локальному сибирскому тексту.

В своем первом письме из Омска Валиханов пишет, прежде всего, о тех теплых взаимоотношениях, которые установились между ними:

Расстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас.

Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю [30. Т. 5. С. 133].

И, опираясь на эти свои чувства и впечатления, Валиханов обращается к Достоевскому за предельно важным советом – о том, как ему дальше организовывать свою жизнь:

Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить.

Как Вы думаете об этом? Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше [30. Т. 5. С. 133].

Вернувшись из экспедиции, в которой он был свободен и как путешественник, и как ученый, пережив прекрасный опыт общения с Достоевским, Валиханов в Омске вновь вынужден был вернуться в жесткую и тяжелую для него военно-чиновничью среду «чиновнических крючков» [30. Т. 5. С. 133]. Отсюда – его рефлексия о своей жизни, о своем будущем, и обращение к Достоевскому: «Посоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше».

И единственное дошедшее до нас письмо Достоевского Валиханову стало, в сущности, предельно развернутым и подробным ответом на этот жизненно важный вопрос.

Прежде всего в своем письме Достоевский подхватывает тему искренних дружеских отношений, которые сложились между ними в Семипалатинске, – и делает это крайне эмоционально:

Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения как к Вам, и Бог знает, как это сделалось. Тут бы можно много сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! Вы, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать 10 книг, то ничего не напишешь: чувство и влечение дело необъяснимое [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

И он начинает размышлять о письме Валиханова:

Вы пишете, что Вам в Омске скучно – еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами [1. Т. 28, кн. 1. С. 249].

Дальнейший развернутый ответ Достоевского Валиханову в целом организован представлением о нем как об уникальном представителе коренных сибирских народов в контексте размышлений об азиатском топосе «Степи»¹ [1. Т. 28, кн. 1. С. 249]; именно это и позволит нам реконструировать то базовое понимание писателя коренной Сибири, которое сложилось у него в 1850-х гг.:

Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих «Записок» о степном быте, Вашем возрасте там и т.д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать (например, вроде «Джона Теннера» в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом, и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью *новой дороги для Вас*². Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию <...>. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения <...> родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу <...> Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм^{<ер>}: не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России,

¹ Здесь и далее в письме Достоевского «Степь» с заглавной буквы.

² Здесь и далее курсив Достоевского.

и в то же время служить своей родине *просвещенным* ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце <...> Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности [1. Т. 28, кн. 1. С. 249].

В размышлениях Достоевского значимое место занимает обращение к жанру записок, которое оказывается связанным, в том числе, с именем А.С. Пушкина: «Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте <...> например, вроде “Джона Теннера” в переводе Пушкина, если помните».

Авторитет Пушкина был бесспорен не только для самого писателя, но и для Валиханова. Потанин, характеризуя образование, полученное в Сибирском кадетском корпусе, отмечал:

Русская литература для нас кончалась Пушкиным, Гоголем и Лермонтовым [29. С. XVIII].

Достоевский указывает здесь на статью Пушкина «Джон Теннер», опубликованную им в «Современнике» в 1836 г. за подписью «The Reviewer»¹. Пушкин пишет:

В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями [50. С. 451].

Джон Теннер мальчиком был похищен индейцами и около тридцати лет своей жизни провел в индийских племенах, и пушкинская статья, действительно, представляет собой его собственный перевод и пересказ этих «Записок», сделанные на основании работы с их французским изданием. Как отмечает С.А. Фомичев, «29 августа (1836 г. – Е.Н.) Пушкин приобретает только что вышедшие в Париже “Мемуары Джона Теннера, или Тридцать лет в пустынях Северной Америки” во французском переводе де Блоссвиля² и сразу же приступает к их чтению» [51. С. 466]. Далее ученый приводит названия произведения Джона Теннера в разных переводах: «Название, данное книге Блоссвельем, было не вполне точным. Впервые книга была издана в 1830 году в Нью-Йорке под заглавием “Рассказ (“Narrative”³) о похищении и приключениях Джона Теннера (переводчика на службе США в Со-Сент-Мари) в течение тридцатилетнего пребывания среди индейцев в Северной Америке”» [51. С. 467].

¹ Современник. 1836. Кн. 3. С. 205–256.

² Блоссвиль Эрнест, виконт де Поре (1799–1886).

³ Прим. С.А. Фомичева.

Как видим, в этих вариантах названий представлен целый спектр жанровых определений произведения: «мемуары», «рассказ», «narrative». Однако Пушкин в своей статье называет его «Записки Джона Теннера», и именно на это ориентируется Достоевский, предлагая Валиханову написать «нечто вроде своих “Записок” <...> вроде “Джона Теннера” в переводе Пушкина».

Основное содержание пушкинской статьи – это описание внутренней жизни индейцев как коренного народа Америки:

Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов <...> показания простодушные и бесстрастные [50. С. 451].

Важна общая пушкинская характеристика «Записок» как бесспорно достоверного описания повседневного существования коренных американских народов:

«Записки» Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности [50. С. 458].

И далее в статье следуют отдельные фрагменты, конкретизирующие эту общую картину:

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в «Записках» Джона Теннера [50. С. 461]; Препятствия, нужды, встречаляемые индийцами в сих предприятиях, превосходят всё, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам <...>. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь или средства к ее поддержанию [50. С. 462–463].

В определенном смысле «Джон Теннер» Пушкина может служить значимым смысловым контекстом для выявления специфики представлений Достоевского о коренной Сибири.

Безусловно, важно следующее: если в «Джоне Теннере» Пушкина акцент поставлен на изображении «нужд, непонятных для чад образованности», то Достоевский в своем письме обращается именно к «чаду образованности» – к уникальной для своего времени личности Валиханова: «Вы первый киргиз – образованный по-европейски вполне <...>. Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности».

Переходя собственно к этим «обязанностям» Валиханова «служить своей родине», Достоевский актуализирует категорию «Степи», которая была предметом их общего обсуждения: «мы об этом говорили». Следует

отметить, что вопрос о «степи» Достоевского уже поставлен в науке о писателе [52, 53].

«Степь» / «Киргизская степь» занимала важнейшее место в жизни и мировосприятии Валиханова. Он мог даже в письмах фиксировать свое местопребывание как «Киргизская степь». Так, начало письма к Достоевскому от 14 января 1862 г.:

Генваря 14. 1862 г., Киргизская степь
Любезный друг, Федор Михайлович [30. Т. 5. С. 147].

Начало письма к А.Н. Майкову от 6 декабря того же 1862 г.:

Декабрь 6 [1862 г.], Кокчетав
в Киргизской степи

Давно собираюсь писать к Вам, многоуважаемый Аполлон Николаевич [30. Т. 5. С. 152].

Эти примеры можно было бы продолжать и дальше. Понятие «Киргизской степи» заняло важнейшее место в формировании и образовании юного Валиханова, начиная с Сибирского кадетского корпуса, и уже здесь оно приобрело отчетливый geopolитический смысл. Потанин, характеризуя систему обучения, организованную И.В. Ждан-Пушкиным после того, как его назначили в 1848 г. инспектором классов корпуса, пишет, в частности, следующее:

Другой из оставленных старых учителей был Евг. Ив. Старков <...>. Ждан-Пушкин просил его познакомить нас поподробнее с географией Киргизской степи, что Старков и сделал; потом он даже напечатал свой географический очерк Киргизской степи. Это было для кадет очень полезно, потому что многим из них, особенно казакам, пришлось подолгу служить в Киргизской степи и ходить по ней в поход [29. С. VIII].

Именно отсюда – те представления об изучении Киргизской степи как об особой миссии Валиханова, которые уже были приведены выше:

Перед глазами молодых людей открывалась картина: река Иртыш, а за нею поднимающаяся к горизонту Киргизская степь. Валиханов жадными глазами смотрел в даль; Омский кадетский корпус стоял, можно сказать, на границе киргизской степи; из окон его верхнего этажа открывался вид на заречную сторону Иртыша, за которым начинается степь, и не одного, может быть, Валиханова мечта уносила в загадочную даль.

Поэтому вполне закономерно, что Достоевский рекомендует ему написать «Записки» «о Степи».

На первый взгляд может показаться, что Достоевский, подобно Пушкину, имеет в виду особенности жизни коренных сибирских народов, описание их быта: «если б Вам удалось написать нечто вроде своих “Записок” о степном быте, Вашем возрасте там и т.д.». Но далее в письме категория

«Степь» приобретает у него обобщенный социокультурный смысл, становясь выражением самой сущности коренной сибирской культуры и жизни, в том числе, и в ее геополитическом соотношении с Россией: «...не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России».

Более того, как свидетельствует его письмо, для него самого именно «Степь» стала воплощением коренной азиатской Сибири. Так, обсуждая определенные сложности, которые возникли у Валиханова с семьей по поводу его будущего, Достоевский замечает: «Если хотите будущее лето пробыть в Степи, то ждать еще можно долго <...>. Воротясь в Сибирь, Вы бы могли представить такие выгоды или такие соображения <...> родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы Вас и за границу». «Пробыть в Степи» и «воротясь в Сибирь» – здесь Достоевский «Степь» и «Сибирь» очевидно использует как синонимы.

Все это в целом позволяет утверждать, что базовые представления Достоевского о коренной Сибири 1850–1860-х гг. – это азиатская «Степь», понимаемая в обобщенном социокультурном смысле, о чем и свидетельствует финал «Преступления и наказания»: «С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи чуть приметными точками чернелись кочевые юрты».

Особого внимания заслуживает жанровый аспект сибирской проблематики Достоевского. Специальное изображение Сибири для него на этом этапе оказалось тесно связанным с документальными жанрами – с «записками», восходящими, возможно, и к пушкинскому опыту «Записок» Джона Теннера. При этом, настойчиво советую Валиханову написать «записки» о «Степи», сам Достоевский в это же время, в 1856–1857 гг., уже создает свои сибирские «записки» – «Записки из Мертвого дома».

В письме к Валиханову Достоевский, в частности, упоминает П.П. Семенова¹, который по поручению Русского географического общества в конце 1856 – начале 1857 г. в Сибири, в Семипалатинске, Барнауле и Омске, занимался организацией экспедиции на Тянь-Шань:

Семенов превосходный человек. Я его разглядел еще ближе [1. Т. 28, кн. 1. С. 248].

В своих воспоминаниях о встречах с Достоевским, сначала в Семипалатинске, а затем – в Барнауле, Семенов-Тян-Шанский рассказывает о его работе над «Записками из Мертвого дома» – именно в это время:

В январе 1857 года я был обрадован приездом ко мне (в Барнаул. – Е.Н.) Ф.М. Достоевского <...>. Достоевский пробыл у меня недели две в необходимых приготовлениях к своей свадьбе. По несколько часов в день мы проводили в интересных разговорах и в чтении, глава за главой, его в то время еще не оконченных «Записок из Мертвого дома», дополняемых устными рассказами [54. С. 310].

¹ С 1906 г. – Семенов-Тян-Шанский.

И в «Записки из Мертвого дома» вошла тема «киргизской степи». В V главе «Летняя пора» описан тот же тройной локус острог – Иртыш – степь / киргизская степь, который содержится в «Эпилоге» «Преступления и наказания» и в воспоминаниях Потанина о Валиханове:

Кажется, еще сильнее грустишь о свободе под ярким солнечным лучом <...> слушалось, подметишь вдруг где-нибудь на работе чей-нибудь задумчивый и упорный взгляд в синеющую даль, куда-нибудь туда, на другой берег Иртыша, где начинается необъятно скатертью, тысячи на полторы верст, вольная киргизская степь [1. Т. 4. С. 173].

Далее в главе этот «чей-нибудь задумчивый и упорный взгляд» «на другой берег Иртыша» персонифицируется и становится составляющей сибирского мировосприятия самого повествователя, т.е. в конечном счете Достоевского:

<...> работа производилась на берегу Иртыша. Я потому так часто говорю об этом береге, что единственno только с него и был виден мир Божий, чистая, ясная даль, незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью. На берегу только и можно было стать к крепости задом и не видать ее <...>. На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, в этот необъятный, пустынный простор, точно заключенный из окна своей тюрьмы на свободу. Всё для меня было тут дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша¹; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то хлопочет с своими двумя баранами. Всё это бедно и дико, но свободно [1. Т. 4. С. 178].

Это описание, как и в «Преступлении и наказании», также организовано двойной оптикой повествователя: его положение на своем берегу – это взгляд «заключенного из окна своей тюрьмы на свободу», и только здесь, отвернувшись, можно некоторое время «не видать» ненавистную «крепость».

Именно здесь мы находим у Достоевского специальное изображение коренной Сибири:

<...> другой берег Иртыша, где начинается необъятно скатертью, тысячи на полторы верст, вольная киргизская степь <...> и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза, приносившаяся с киргизского берега. Всматриваешься долго и разглядишь наконец какую-нибудь бедную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымок у юрты, киргизку, которая о чем-то хлопочет с своими двумя баранами. Всё это бедно и дико, но свободно.

Общие социокультурные смыслы Сибири как «Степи» дополняются здесь вполне конкретным описанием быта коренных сибирских народов, и

¹ Байгуш (устар.) – именование представителей обедневших слоев населения в социальной структуре казахского и башкирского общества XIX в.

коренная Сибирь у Достоевского 1850–1860-х гг. предстает собственно как азиатская «киргизская степь». И так же, как в «Преступлении и наказании», естественный сибирский мир в изображении Достоевского наполняется высокими символическими смыслами и предстает как «мир Божий».

Так в «Записках из Мертвого дома» была заложена базовая оппозиция двойного восприятия и изображения Сибири Достоевским одновременно и как российской «каторги и ссылки», и как абсолютно свободной «киргизской степи», что и получило свое продолжение в «Эпилоге» «Преступления и наказания». Достоевский предлагает Валиханову написать «записки» о «Степи», считая этот замысел очень перспективным проектом: «Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы конечно знали бы что писать <...> На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество». Для самого писателя этого времени азиатская «киргизская степь», которую он хорошо чувствует и понимает, – это воплощение коренной Сибири, имеющей, в том числе, и geopolитическое значение.

Тем не менее собственная авторская стратегия Достоевского по отношению к сибирскому краю – принципиально иная, и он создает свои «записки» о Сибири как о каторжном «Мертвом доме». И в «Записках из Мертвого дома», и в «Преступлении и наказании» изображение коренной Сибири – только отдельный эпизод в общем повествовании о сибирской каторге. Ключевой для Достоевского здесь была оппозиция свободы/несвободы. Он прожил в Сибири десять лет, так или иначе, в ситуации несвободы, именно это стало доминантой в его изображении сибирского края, поэтому описание собственно коренной сибирской культуры закономерно выводится из основного круга его писательских интересов и тем. Достоевский в 1850–1860-х гг. занимает авторскую позицию отказа от региональной сибирской проблематики, от сибирской авторской идентичности в любом ее возможном варианте. Используя известный термин Ю.М. Лотмана, можно сказать, что у Достоевского этого периода коренная Сибирь при изображении сибирского края в конечном счете выполняла функцию «минус-приема».

В «Дневнике писателя» 1881 г. Достоевский занял прямо противоположную позицию активного утверждения азиатской идентичности русского человека: «русский не только европеец, но и азиат» [1. Т. 27. С. 33]:

Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! [1. Т. 27. С. 33].

Сибирь в этом контексте, в полном соответствии с представлениями, сформированными в 1850-х гг., предстает как «наша русская Азия»:

<...> вся наша русская Азия, включая и Сибирь <...> [1. Т. 27. С. 32].

Так получилось, что азиатская проблематика стала завершением всего «Дневника писателя»: его последняя книга «Январь» 1881 г. включает в себя две главы, и два последних параграфа второй главы, «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» и «Вопросы и ответы», специально посвящены именно ей.

Поводом написания III параграфа «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» стало завершение Ахал-текинских экспедиций российской армии 1879–1880-х гг., направленных на завоевание территории Туркестана; организация этих экспедиций была связана с реализацией geopolитической задачи ограничения английского влияния в Средней Азии. В результате взятия крепости Геок-Тепе вторая экспедиция закончилась победой России.

Достоевский достаточно скрупульно освещает в «Дневнике писателя» саму историю этой военной кампании, его волнует более общий вопрос: «Что такое для нас Азия?» Ответом на него и стали самые последние параграфы всего «Дневника писателя». В основе этих «вопросов и ответов» просматривается та geopolитическая проблематика коренной азиатской Сибири, которая была намечена Достоевским в далеких уже 1850-х гг. в его письме к Валиханову: «что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России». В контексте размышлений Достоевского о том, «что такое для нас Азия», актуализируются те темы и мотивы коренной Сибири, которые сформировались у него еще в 1850–1860-х гг., но теперь в центре его размышлений – собственно «русская Азия», в том числе Сибирь, и ее экономическое, социокультурное, geopolитическое значение для России.

Этот существенно новый подход к азиатской проблематике окончательно сформировался у Достоевского во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которой была посвящена значительная часть «Дневника писателя» этих лет. Здесь у него «выстраивается принципиальный дискурс, в котором “восточный вопрос” уточняется как <...> вопрос “славянский”» [55. С. 185]. Как пишет он сам в «Дневнике писателя» 1877 г.,

<...> восточный вопрос <...> есть и славянский вместе [1. Т. 25. С. 30].

В «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия?» он подчеркивает:

<...> теперешний Восточный вопрос наш – гроза и беда нашего текущего и нашего будущего – был бы уже теперь давно разрешен [1. Т. 27. С. 34].

Не случайно он вновь упоминает свой тезис о том, что «Константинополь должен быть наш», ставший к этому времени уже широко известным знаковым предъявлением его позиции по восточному вопросу:

Насчет Восточного вопроса я бы вот что сказал в эту минуту: ведь в эту минуту у нас, в политических сферах, не найдется, может быть, ни единого политического ума, который бы признавал за здравое, что Константинополь должен быть наш <...>. А коли так, так чего же нам больше ждать? [1. Т. 27. С. 39].

Поэтому будущее России Достоевский связывает теперь, в первую очередь, с азиатской «степью». Казалось бы, Достоевский вновь обращается к

описанию ее безлюдности, пустынности. Как это было в «Записках из Мертвого дома», «незаселенные, вольные степи, производившие на меня странное впечатление своею пустынностью». Об этом же пишет он и здесь:

<...> голая, как ладонь наша, степь [1. Т. 27. С. 37].

Однако проблематика степи обретает совершенно новые смыслы, и в «Дневнике писателя» образ «голой» степи оборачивается у Достоевского представлением о скрытых в ней колоссальных природных богатствах:

И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? [1. Т. 27. С. 37].

В своих размышлениях он горько сетует на то, что Россия не видит и не понимает пока в «Азии», «Сибири», «степи» своих возможностей и перспектив и иронически обращается к опыту «англичан» и «американцев». Он интерпретирует «открытие» Азии для России как освоение Америки Британской империей и Соединенными Штатами:

О, если б вместо нас жили в России англичане или американцы <...>. Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, – всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить. Они бы призвали науку, заставили бы землю родить им сам-пятьдесят, – ту самую землю, про которую мы всё еще думаем здесь, что это лиша голая, как ладонь наша, степь. К добывшему хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство [1. Т. 27. С. 37].

Азия предстает здесь как «неоткрытая» российская «Америка»¹. Безусловно, в центре этих размышлений писателя – не «англичане или американцы», но те колоссальные возможности и перспективы развития России, которые он сейчас видит в азиатской степи с сокрытыми в ее недрах «металлами», «минералами», «бесчисленными залежами каменного угля» и с ее плодородной землей, на которой можно выращивать урожай «сам-пятьдесят». И далее – об этом же:

<...> в будущем Азия наш исход <...> там наши богатства <...> у нас всё еще будет простор и ширь, поля и леса, и дети наши будут расти у отцов своих, не в каменных мешках, а среди садов и засеянных полей, видя над собою чистое небо. Да, много там наших надежд заключено и много возможностей, о которых мы здесь и понятия еще составить не можем во всем объеме! Не одно только золото там в почве спрятано [1. Т. 27. С. 38].

¹ В этих достаточно нетривиальных сравнениях Азии с Америкой и Африкой при желании можно усмотреть влияние пушкинского «Джона Теннера», связанного в сознании писателя с азиатской проблематикой.

Размышляя о будущем России, он подчеркивает, что насущной необходимостью для страны является эффективное развитие Сибири и Азии:

Постройте только две железные дороги, начните с того, – одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия [1. Т. 27. С. 37].

Оба параграфа, посвященные азиатской проблематике, носят жестко polemический характер, и Достоевский в них неоднократно моделирует позицию своих многочисленных оппонентов:

«Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?» Бывали даже и очень резкие голоса: «Уж эта наша Азия, мы и в Европе-то не можем себе порядка добить и устроиться, а тут еще суют нам и Азию. Лишняя вовсе нам эта Азия, хоть бы ее куда-нибудь деть!» [1. Т. 27. С. 32].

В черновых записях <Записной тетради 1880–1881 гг.> есть следующее высказывание о Сибири такого же рода:

Сибирь – продать по частям на сруб – уступить Китаю, напустить американцев. Всего лучше разбить по участкам и отдавать на откуп, или если никто ничего за них не даст, то просто отдать в эксплуатацию <...> с гарантией 5 процентов. Все жертвы пусть будут принесены, только б нам избавиться от этого хлама [1. Т. 27. С. 79].

Но здесь же – собственная заметка Достоевского, в которой Азия предстает воплощением «оздоровления» народа, «смирения» перед ним и перед всей Россией, а также geopolитическим пространством для возможного применения разумной государственной экономической политики:

Оздоровление народа.

Россия – Азия.

Экономия.

Уничтожение аристократизма, петербургского взгляда на народ и на Россию и смижение перед нею [1. Т. 27. С. 80].

К сожалению, развернуть далее эти идеи Достоевскому не довелось.

Итак, представления Достоевского о коренной самобытной Сибири формировались и развивались следующим образом.

В 1850-х гг. географическая специфика того сибирского региона, в котором Достоевскому пришлось жить, Омска и Семипалатинска, определила его исходные впечатления о коренной Сибири как об азиатской степи, освоенной коренными сибирскими народами и потенциально имеющей geopolитическое значение для России, о чем свидетельствует его письмо к Валиханову 1856 г.

В 1860-х гг. в «Записках из Мертвого дома» и в «Преступлении и наказании» писатель создает яркие и многозначные описания азиатской степи и

жизни коренного киргизского населения, которые тем не менее представляют собой только отдельные эпизоды в его общем изображении Сибири как каторжного пространства. Коренная азиатская Сибирь в сфере его писательских интересов и авторской идентичности отсутствует.

В свою очередь, в «Дневнике писателя» 1881 г., после осмыслиения опыта русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Достоевский декларирует прямо противоположные представления о значимости азиатской идентичности русского человека, утверждая особую геополитическую и социокультурную роль Сибири и Азии в будущем развитии России.

Список источников

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : В 30 т. Л. : Наука, 1972–1990.
2. Новикова Е.Г., Понкратова Е.М., Кожевникова А.Г. Геополитическая карта мира Ф.М. Достоевского: системное описание // Текст. Кинга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 5–21.
3. Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. М., 2003. 880 с.
4. Достоевский Ф.М. Энциклопедическое собрание сочинений. М. : Бизнессофт, 2005. Серия: Электронные книги.
5. Туниманов В.А. Творчество Достоевского, 1854–1862. Л. : Наука, 1980. 294 с.
6. Акелькина Е.А. «Записки из Мертвого дома» Ф.М. Достоевского: формирование поэтики очеркового повествования (1840–1860-е годы). Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОГИ», 2007. 140 с.
7. Вайнерман В.С. «Поручаю себя Вашей добной памяти...» (Ф.М. Достоевский и Сибирь). 3-е изд., испр. и доп. Омск : Издательский дом «Наука», 2015. 392 с.
8. Владимиров В.П. Достоевский народный: Ф.М. Достоевский и русская этнологическая культура / под науч. ред. В.Н. Захарова, О.Ю. Юрьевой. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2007. 462 с.
9. Габдуллина В.И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. 2016. № 3. С. 93–106.
10. Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854. Новосибирск : Наука, 1985. 167 с.
11. Кушникова М.М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1996. 472 с.
12. Семыкина Р.С.-И. Проза Ф.М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992. 17 с.
13. Трухан Е.Д. Эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского 1855–1857 годов. Новокузнецк ; Красноярск, 2021. 220 с.
14. Понкратова Е.М. Динамическая модель Сибири Ф.М. Достоевского // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 251–262.
15. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
16. Максимов С.В. Сибирь и каторга : В 3 т. СПб. : Тип. А. Траншеля, 1871.
17. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке: исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб. : Типография А. Моригоровского, 1872. 719 с.

18. Якубович П.Ф. В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. Т. 1. Public Domain, 1896. 250 с.
19. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
20. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худ. лит., 1975.
21. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмыслиения личности. Томск, 2004. 208 с.
22. Хроника жизни и творчества Г.Н. Потанина // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986. С. 319–328.
23. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и творчество. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. 252 с.
24. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1983. 336 с.
25. Потанин Г.Н. Воспоминания (окончание) // Литературное наследство Сибири. Т. 7 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1986. С. 35–152.
26. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке / сост., авт. предисл. и примеч. С.А. Иникова / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 752 с.
27. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
28. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Издание И.М. Сибирякова, 1892. 594 с.
29. Валиханов Ч.Ч. Сочинения / изд. под ред. [и с предисл.] д. ч. Н.И. Веселовского. СПб. : Тип. гл. упр. уделов, 1904. XLVI, [3], 533, XXXII, 2 с. (Записки Имп. рус. геогр. о-ва по отделению этнографии; XXIX).
30. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений : В 5 т. Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985.
31. Стрелкова И.И. Валиханов. М. : Молодая гвардия, 2004. 295 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).
32. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
33. Айзикова И.А. Факторы формирования литературного процесса в социокоммуникативном пространстве трансграничья Сибири (конец XVIII – XIX в.): типология взаимодействий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 162–182.
34. Сафонова Е.Ю. Сибирский текст Ф.М. Достоевского: проблемы и перспективы // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 55–96.
35. Ядринцев Н.М. Достоевский в Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5 / сост. Н.Н. Яновский. Новосибирск : Западно-Сибирское кн. изд-во, 1980. С. 58–65.
36. Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение» : В 2 т. СПб. : Алетейя, 2001.
37. Акелькина Е.А. Диалог Н.М. Ядринцева с Ф.М. Достоевским // Четвертые Ядриновские чтения : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск : Омский государственный историко-краеведческий музей, 2017. С. 349–353.
38. Frank S.K. Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als ‚Geokulturologen‘ Sibiriens // Gedächtnis und Phantasma. München, 2001. S. 32–47.

39. Frank S.K. Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij // Wiener Slawistischer Almanach. 2005. Sonderband 62. S. 401–418.
40. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья первая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 185–197.
41. Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский и сибирское областничество. Статья вторая // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 268–277.
42. Новикова Е.Г. Омск, связавший две судьбы: Н.М. Ядринцев и Ф.М. Достоевский // Философские формы в культуре : монография к 70-летию доктора филологических наук, профессора, ректора Омской гуманитарной академии А.Э. Еремеева. Омск : Изд-во ОмГА, 2021. С. 254–266.
43. Тихомиров Б.Н. Петербург – Тобольск – Омск – Семипалатинск (о пути Достоевского на каторгу и в ссылку) // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9, № 4. С. 7–29.
44. Ашиотова Г.А. Чокан Валиханов как один из прототипов образа Версилова (роман «Подросток») // Ф.М. Достоевский и национальная культура. Вып. I. Челябинск, 1994. С. 306–317.
45. Ашиимбаева Н.Т. История одной дружбы. Федор Достоевский и Чокан Валиханов // Консул. 2008. № 4 (15). С. 15–19.
46. Ауэзов М.О. Ф.М. Достоевский и Чокан Валиханов // Дружба народов. 1956. № 3. С. 31–39.
47. Уразаева К. Федор Достоевский и Чокан Валиханов: научный комментарий как источник евразийства // Via Evrasia. 2012. № 1. С. 228–240.
48. Ермекбаев Ж.А. Федор Достоевский и Чокан Валиханов в эпистолярном наследии // GISAP: History and Philosophy. 2016. № 8. С. 10–12.
49. Селиверстов С.В. Две «почвы»: к проблеме интеллектуальных взаимоотношений Ф.М. Достоевского и Ч.Ч. Валиханова (вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 8, № 4 (32). С. 56–66.
50. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : В 10 т. М. ; Л. : АН СССР, 1950–1951. Т. 7.
51. Фомичев С.А. Пушкинская перспектива. М. : Знак, 2007. 535 с.
52. Борисова В.В. «Гиблое место» или «золотой век» (Казахская степь в изображении Ф.М. Достоевского) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. Семипалатинск, 1989. С. 40–45.
53. Михновец М.В. «Киргизские степи» в geopolитической картине мира Достоевского: от «зоны неосвоенной дикости» к новому хартленду // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 4. С. 120–127.
54. Семенов-Тян-Шанский П.П. Из «Мемуаров» // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников : В 2 т. М.: Худ. лит., 1990. (Серия литературных мемуаров).
55. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского 1877–1878 гг. // Геополитическая карта и картина мира Ф.М. Достоевского / под ред. Е.Г. Новиковой, А.И. Щербинина. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. С. 184–189.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1972–1990) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 1–30. Leningrad: Nauka
2. Novikova, E.G., Ponkratova, E.M. & Kozhevnikova, A.G. (2022) A geopolitical map of Fyodor Dostoevsky's world: A systematic description. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 28. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/28/1
3. Shaykevich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003) *Statisticheskiy slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

4. Dostoevskiy, F.M. (2005) *Entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [Encyclopedic Collected Works]. Moscow: Biznesssoft, Seriya: Elektronnye knigi.
5. Tunimanov, V.A. (1980) *Tvorchestvo Dostoevskogo, 1854–1862* [The Works of Dostoevsky, 1854–1862]. Leningrad: Nauka.
6. Akel'kina, E.A. (2007) "Zapiski iz Mertvogo doma" F. M. Dostoevskogo: formirovaniye poetiki ocherkovogo povestvovaniya (1840–1860-e gody) [Notes from the House of the Dead by Fyodor Dostoevsky: the formation of the poetics of essay narrative (1840–1860s)]. Omsk: Omsk Academy for the Humanities.
7. Vaynerman, V.S. (2015) "Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati..." (F. M. Dostoevskiy i Sibir') [I Entrust Myself to Your Kind Memory...]. (Fyodor Dostoevsky and Siberia). 3rd ed. Omsk: Izdate'l'skiy dom "Nauka".
8. Vladimirtsev, V.P. (2007) *Dostoevskiy narodnyy: F. M. Dostoevskiy i russkaya etnologicheskaya kul'tura* [Dostoevsky of the People: Fyodor Dostoevsky and Russian Ethnological Culture]. Irkutsk: Irkutsk State University.
9. Gabdullina, V.I. (2016) *Sibirskiy tekst Dostoevskogo: obraz provintsii* [Dostoevsky's Siberian text: the image of the province]. *Kul'tura i tekst*. 3. pp. 93–106.
10. Gromyko, M.M. (1985) *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo. 1850–1854* [Dostoevsky's Siberian Acquaintances and Friends. 1850–1854]. Novosibirsk: Nauka.
11. Kushnikova, M.M. & Togulev, V. (1996) *Zagadki provintsii. "Kuznetskaya orbita" Fedora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov* [Mysteries of the Province. Fyodor Dostoevsky's Kuznetsk Orbit in the documents of Siberian archives]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
12. Semykina, R.S.-I. (1992) *Proza F. M. Dostoevskogo 1850-kh godov: "Dyadyushkin son", "Selo Stepanchikovo i ego obitately"* (komicheskoe: mir i kharaktery) [Fyodor Dostoevsky's prose of the 1850s: Uncle's Dream, The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants (the comic: world and characters)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
13. Trukhan, E.D. (2021) *Epistolyarnoe nasledie F. M. Dostoevskogo 1855–1857 godov* [Epistolary Legacy of Fyodor Dostoevsky in 1855–1857]. Novokuznetsk: Kuzbass State Pedagogical Institute; Krasnoyarsk: Sitall.
14. Ponkratova, E.M. (2021) *Dinamicheskaya model' Sibiri F. M. Dostoevskogo* [Dynamic model of Siberia by Fyodor Dostoevsky]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A.I. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo* [Geopolitical Map and World Picture of Fyodor Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 251–262.
15. Tyupa, V.I. (2002) *Mifologema Sibiri: k voprosu o "sibirskom tekste" russkoy literatury* [Mythologeme of Siberia: on the question of the "Siberian text" of Russian Literature]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 1. pp. 27–35.
16. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Penal Servitude]. Vol. 1–3. Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya.
17. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian Community in Prison and Exile: Research and Observations on the Life of Prison, Exiled, and Vagabond Communities]. Saint Petersburg: Tipografiya A. Morigerovskogo.
18. Yakubovich, P.F. (1896) *V mire otverzhennykh. Zapiski byvshego katorzhnika* [In the World of the Outcasts: Notes of a Former Convict]. Vol. 1. Saint Petersburg: [s. n.].
19. Anisimov, K.V. (2005) *Problemy poetiki literatury Sibiri XIX – nachala XX veka: Osobennosti stanovleniya i razvitiya regional'noy literaturnoy traditsii* [Problems of the Poetics of Siberian Literature in the 19th – Early 20th Centuries: Features of the Formation and Development of the Regional Literary Tradition]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Esthetics. Studies of Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

21. Sagalaev, A.M. & Kryukov, V.M. (2004) *Potanin, posledniy entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the Last Encyclopedist of Siberia: An Attempt to Understand the Personality]. Tomsk: Izd-vo NTL.
22. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Lit. nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 319–328.
23. Obruchev, V.A. (1947) *Grigorij Nikolaevich Potanin. Zhizn' i tvorchestvo* [Grigory Nikolaevich Potanin. Life and Work]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
24. Potanin, G.N. (1983) *Vospominaniya* [Memories]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 6. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd.
25. Potanin, G.N. (1986) *Vospominaniya (okonchanie)* [Memories (conclusion)]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 7. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 35–152.
26. Yadrintsev, N.M. (2015) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke* [The Russian Community in Prison and Exile]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
27. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya. K yubileyu trekhstoletiya. Sovremennoe polozhenie Sibiri. Ee nuzhdy i potrebnosti. Ee proshloe i budushchee* [Siberia as a Colony. On the tercentenary anniversary. The current situation of Siberia. Its wants and needs. Its past and future]. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
28. Yadrintsev, N.M. (1892) *Sibir' kak koloniya v geograficheskem, etnograficheskem i istoricheskem otoshenii* [Siberia as a Colony in Geographical, Ethnographic, and Historical Respect]. 2nd ed. Saint Petersburg: Izdanie I.M. Sibiryakova.
29. Valikhanov, Ch.Ch. (1904) *Sochineniya* [Works]. Saint Petersburg: Tip. gl. upr. udelov.
30. Valikhanov, Ch.Ch. (1984–1985) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vols 1–5. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii
31. Strelkova, I.I. (2004) *Valikhanov*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
32. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
33. Ayzikova, I.A. (2022) Factors of the formation of the literary process in the sociocommunicative space of the Siberian transborder region (late 18th and 19th centuries): Typology of interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 162–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/8
34. Safranova, E.Yu. (2020) *Sibirski tekst F.M. Dostoevskogo: problemy i perspektivy* [The Siberian Text of Fyodor Dostoevsky: Problems and Prospects]. *Neizvestnyy Dostoevskiy*. 3. pp. 55–96
35. Yadrintsev, N.M. (1980) *Dostoevskiy v Sibiri* [Dostoevsky in Siberia]. In: Yanovskiy, N.N. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [The Literary Heritage of Siberia]. Vol. 5 Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd. pp. 58–65.
36. Belov, S.V. (2001) *Entsiklopedicheskiy slovar' "F.M. Dostoevskiy i ego okruzhenie"* [Encyclopedic Dictionary Fyodor Dostoevsky and His Circle]. Vols 1–2. Saint Petersburg: Aleteyya.
37. Akel'kina, E.A. (2017) [Dialogue of N.M. Yadrintsev with F.M. Dostoevsky]. *Chetvertye Yadrinovskie chteniya* [The Fourth Yadrinov Readings]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Omsk. 30–31 October 2017. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzej. pp. 349–353. (In Russian).
38. Frank, S.K. (2001) Dostoevskij, Jadrincev und Čechov als ‚Geokulturologen‘ Sibiriens. In: Frank, S.K. et al. (eds) *Gedächtnis und Phantasma*. München: Sagner. pp. 32–47.
39. Frank, S.K. (2005) Zwei Konzeptualisierungen der russisch-sibirischen Lagerintimität im 19 Jahrhundert: N. Jadrincev und F. Dostoevskij. *Wiener Slawistischer Almanach*. 62. pp. 401–418.

40. Novikova, E.G. (2019) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article one. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 59. pp. 185–197. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/59/11
41. Novikova, E.G. (2020) Fyodor Dostoevsky and Siberian regionalism. Article Two. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 67. pp. 268–277. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/14
42. Novikova, E.G. (2021) Omsk, svyazavshiy dve sud'by: N. M. Yadrintsev i F.M. Dostoevskiy [Omsk, which linked two destinies: N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky]. In: *Filosofskie formy v kul'ture* [Philosophical Forms in Culture]. Omsk: Omsk Academy for the Humanities. pp. 254–266.
43. Tikhomirov, B.N. (2022) Peterburg – Tobol'sk – Omsk – Semipalatinsk (o puti Dostoevskogo na katorgu i v ssylku) [Petersburg – Tobolsk – Omsk – Semipalatinsk (about Dostoevsky's path to hard labor and exile)]. *Neizvestnyy Dostoevskiy.* 4 (9). pp. 7–29
44. Ashitova, G.A. (1994) Chokan Valikhanov kak odin iz prototipov obrazu Versilova (roman "Podrostok") [Chokan Valikhanov as one of the prototypes of Versilov's image (the novel The Teenager)]. *F. M. Dostoevskiy i natsional'naya kul'tura.* 1. pp. 306–317.
45. Ashimbaeva, N.T. (2008) Istoryya odnoy druzhby. Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov [The story of one friendship. Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Konsul.* 4 (15). pp. 15–19.
46. Auezov, M.O. (1956) F.M. Dostoevskiy i Chokan Valikhanov [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov]. *Druzhba narodov.* 3. pp. 31–39
47. Urazaeva, K. (2012) Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov: nauchnyy kommentariy kak istochnik evrazistyva [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov: scientific commentary as a source of Eurasianism]. *Via Evrasia.* 1. pp. 228–240.
48. Ermekbaev, Zh.A. (2016) Fedor Dostoevskiy i Chokan Valikhanov v epistolyarnom nasledii [Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov in the epistolary heritage]. *GISAP: History and Philosophy.* 8. pp. 10–12
49. Seliverstov, S.V. (2021) Dve "pochvy": k probleme intellektual'nykh vzaimootnosheniy F.M. Dostoevskogo i Ch.Ch. Valikhanova (vtoraya polovina 1850-kh – nachalo 1860-kh gg.) [Two "soils": on the problem of intellectual relationships between Fyodor Dostoevsky and Chokan Valikhanov (second half of the 1850s – early 1860s)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki".* 4-8 (32). pp. 56–66.
50. Pushkin, A.S. (1950–1951) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vols 1–10. Moscow; Leningrad: USSR AS.
51. Fomichev, S.A. (2007) *Pushkinskaya perspektiva* [Pushkin's Perspective]. Moscow: Znak.
52. Borisova, V.V. (1989) "Gibloe mesto" ili "zolotoy vek" (Kazakhskaya step' v izobrazhenii F. M. Dostoevskogo) ["A lost place" or "the Golden Age" (The Kazakh Steppe as Portrayed by F.M. Dostoevsky)]. *Dostoevskiy i sovremennost'* [Dostoevsky and Modernity]. Semipalatinsk: [s.n.], pp. 40–45.
53. Mikhnovets, M.V. (2020) "Kirgizskie stepi" v geopoliticheskoy kartine mira Dostoevskogo: ot "zony neosvoennoy dikosti" k novomu khartlendu ["The Kyrgyz steppes" in Dostoevsky's geopolitical picture of the world: from the "zone of untamed wildness" to the new heartland]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* 4 (26). pp. 120–127.
54. Semenov-Tyan-Shanskiy, P.P. (1990) Iz "Memuarov" [From the "Memoirs"]. In: *F.M. Dostoevskiy v vospominaniyah sovremenников* [Fyodor Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Vols 1–2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
55. Novikova, E.G. (2021) "Zapadnye slavyane" v "Dnevnikе pisatelya" F.M. Dostoevskogo 1877–1878 gg. ["Western Slavs" in Fyodor Dostoevsky's Diary of a Writer 1877–1878]. In: Novikova, E.G. & Shcherbinin, A. (eds) *Geopoliticheskaya karta i kartina mira F.M. Dostoevskogo* [Geopolitical Map and Picture of the World of Fyodor Dostoevsky]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 184–189.

Информация об авторе:

Новикова Е.Г. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Национального исследовательского Томского гос. университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.G. Novikova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2025;
одобрена после рецензирования 17.09.2025; принятая к публикации 31.10.2025.*

*The article was submitted 11.08.2025;
approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 31.10.2025.*